

Об эволюционной региономике

© С.В. Дорошенко, Е.В. Попов, 2002

Анализируется процесс становления и развития эволюционно-экономического направления в российской науке; обосновывается применимость и возможность использования подходов эволюционной теории в экономических исследованиях региональных систем.

Становление эволюционной экономики

Существуют две точки зрения на момент возникновения эволюционной экономики как особого взгляда на мир. Сторонники первой в качестве такового называют 1898 год – год выхода в свет знаменитой работы Т. Веблена «Почему экономика не эволюционная наука». Сторонники второй стартовым рубежом считают 50-е годы прошлого столетия – время опубликования статьи А. Алчяна. Но это вопрос дискуссии историков экономики, и решение его вряд ли окажет существенное влияние на развитие молодой науки, которая как самостоятельное направление начала формироваться еще позднее – в 60–70-е годы XX в.

Становление данной теории связывают, как правило, с именами корифеев экономической мысли: Т. Веблена, К. Менгера, Ф. Хайека, Й. Шумпетера, Дж. Коммонса – и ряда других представителей институционального подхода. В настоящее время ей уделяется большое внимание со стороны научного сообщества в таких странах, как США, Германия, Франция, Австрия, Велико-

британия (выпуск специальных журналов, регулярная организация и проведение конференций, создание научных ассоциаций).

В России интерес к эволюционному подходу среди ученых-экономистов начал возрождаться в 90-е годы прошлого столетия.

Немного хронологии

1994 г. – организация при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований первого в стране международного симпозиума «Эволюционный подход и проблемы международной экономики» (г. Пущино Моск. обл.). Это событие положило начало традиции проведения «пущинских симпозиумов»;

1995 г. – создание общественной научной организации – Центра эволюционной экономики (Москва). Цель – «содействовать, пропагандировать и развивать экономические исследования, опирающиеся на фундаментальные принципы эволюционного подхода». Инициаторами выступили Институт экономики РАН и Центральный экономико-математический институт РАН. Президентом Центра избран академик Л.И. Абалкин, вице-президентами – акаде-

мики Д.С. Львов и В.Л. Макаров, член-корреспондент В.И. Маевский;

1996 г. – второй международный симпозиум «Эволюционная экономика на пороге XXI в.» (г. Пущино);

1998 г. – третий международный симпозиум «Эволюционная экономика и мэйн-стрим» (г. Пущино). В этом же году при Центре эволюционной экономики начали функционировать научные семинары. Кроме того, в его рамках постоянно действуют рабочие группы по методологии эволюционных исследований, институциональным аспектам теории, технологическому развитию и инновациям в экономике, теории трансформационных систем, моделированию эволюции форм.

2000 г. – четвертый международный симпозиум «Эволюционная экономика: проблемы и противоречия теории и практики» (г. Пущино).

Сегодня эволюционная экономика начинает появляться в качестве учебного курса в некоторых (и не только московских) университетах.

В целом можно говорить о создании определенных условий для дальнейшего развития эволюционного подхода в экономических исследованиях. Однако обращение российских ученых – особенно не в столичных научных учреждениях – к его возможностям часто не приветствуется коллегами по цеху, а сам подход воспринимается «как чуждый элемент» в отечественной экономической науке.

Действительно, эволюционная теория заявила о себе в экономике благодаря исследованиям западных институционалистов. Из русских специалистов, ближе всех подошедших к данному направлению, сегодня упоминается в основном Н.Д. Кондратьев.

Это более чем логично, поскольку теория циклов и эволюционная экономика неразрывно связаны: именно парадигма цикличности позволяет говорить о естественной форме развития с определенными повторениями во времени. В то же время ядро учения о циклах составляет представление о «двойственной естественно-социальной природе человека», которую «необходимо строго учитывать». И «хотя влияние общественных условий на психофизическую организацию человека и значительно, и глубоко, но безгранично. То, что невозможно для человека в силу органических условий, очевидно, не может возникнуть и под влиянием общественных условий. И наоборот, то, что неизбежно в ходе жизни человека в силу тех же естественно-органических условий, не может быть предотвращено и условиями общественной жизни» (Кондратьев, 1993). Н.Д. Кондратьев подчеркивал, что именно «склонность психофизической природы человека к изменчивости является одним из глубочайших условий изменчивости и пластичности самого общества». Следовательно, он выделял «органическое начало в человеческой природе как ось долговременных циклических колебаний и базу генетического развития общества и его институтов» (Ольсевич, 2001).

Вот еще несколько примеров из статьи Ю. Ольсевича. Так, в ней отмечается «развитие многофакторного эволюционного подхода к предмету и методу экономической теории» в работах А.И. Чупрова и М.И. Туган-Барановского (у последнего примерно до 1905 г.), в том числе и через «понимание хозяйства как системы взаимодействия стихийных и сознательных начал». В частности, приведенное мнение А.И. Чупрова о заслуге А. Смита и его по-

следователей в указании «на существование первичных законов» и немецкой исторической школы «в выяснении роли... второстепенных факторов, лежащих в промежутке между общими законами и конкретными явлениями» можно считать своего рода подтверждением этому.

Впоследствии идеи А.И. Чупрова развивал А. Чайнов в своей «организационно-производственной» теории, который показал, что «социальное начало коренится в органической природе человека, не являясь по отношению к ней чем-то внешним». Далее Ю. Ольсевич отмечает, что «своими трудами Чайнов заложил основы для более широкого взгляда на экономические институты как на нормы и организации, способные опираться и на эгоистические, и на семейные, кооперативные, коллективистские начала человеческой технологии». А. Чайнов работал самостоятельно, но его теория дополняет учение Н.Д. Кондратьева.

По нашему мнению, даже при таком беглом взгляде можно говорить об *определенной преемственности поколений* среди российских экономистов. Никто из них не причислял себя сознательно к эволюционистам, но многие интуитивно ставили и пытались разрешить проблемы именно в духе эволюционной теории.

Идеи эволюции, причем активной, характерны и для русской философской школы. Достаточно упомянуть русских космистов и в первую очередь В.И. Вернадского, концепции которого продолжают развиваться и сегодня. Таким образом, в российской научной мысли эволюционный подход к развитию общества имеет исторические корни. И сегодня можно говорить не просто о проявлении какого-то начального интереса, а именно о *возрождении* имевших место

быть взглядов, или, иными словами, о современном российском эволюционизме.

Безусловно, отмеченное выше неприятие эволюционизма в отечественной экономической науке возникло по целому ряду причин, которые можно разделить на две части: субъективные (психологические) и объективные (научно-поисковые). Заметим, что выделение психологических причин основано на наших собственных наблюдениях.

В качестве *первой* среди субъективных причин укажем на *недостаточное знание исторического среза российской научной мысли*.

Вторая – *полное отождествление современных взглядов на эволюцию с теорией, разработанной в XIX в.* Действительно, история использования данного подхода восходит к трудам Ч. Дарвина. Именно он определил исходные понятия, т.е. ввел «эволюционный язык». Знаменитая дарвиновская триада: наследственность, изменчивость, отбор – остается основой этого научного направления и в наши дни. Однако любая теория со временем получает развитие. И сегодня изменения не следует понимать в духе эволюционизма XIX в., утверждавшего линейную и универсальную последовательность преобразований всего социально-экономического организма и отдельных его частей по восходящей и отсутствие целей этих трансформаций. Сам термин «эволюция» в настоящее время понимается как процесс изменения институтов и не содержит оценочного суждения об их скорости и постепенности. А отсутствие целей социально-экономической эволюции, то, что Дарвин неустанно повторял и причислял к самым большим своим достижениям, давно относится лишь к биологической сфере.

«По своей биологической природе современный человек остается таким же, каким он был в момент своего зарождения... Появление человека как социального существа – и это также доказано наукой – не могло быть результатом эволюции приматов... С появлением человека и ходом его дальнейшего развития вступает в силу теория его социально-экономической эволюции. При этом она в принципе никогда не в состоянии уйти от двойственной природы его эволюции, которая всегда (иногда явно, иногда в скрытой форме) определяет противоречия как истории, так и завтрашнего дня. Под таким углом зрения должны рассматриваться все основные вопросы общественного развития, в том числе и эволюционной экономики...» (Абалкин, 2000).

Третья причина – *неприятие для описания экономических явлений аналогий из области биологии и права*. Но в данном случае хочется напомнить, что период замкнутых отраслей знаний, использующих только специальный понятийный аппарат, завершился гораздо раньше периода закрытых экономических систем. Именно в междисциплинарности (не просто допускающей, а подразумевающей заимствования терминов для описания явлений и процессов) большинством ученых видится будущее научных исследований. Давно уже доказано на практике, что подобные вливания не усложняют, а обогащают научные разработки.

Без сомнения, истоками психологических причин являются человеческие мнения. И в силу этого иногда целесообразно обратить внимание на группу людей, придерживающихся тех или иных взглядов. Так, в отношении третьей причины нам бы хотелось выделить группу специалистов,

которые не высказывают явного недовольства по поводу применения эволюционного подхода в экономике, но им бы хотелось иметь некий синтез теорий, в полном объеме объясняющий и решающий возникающие социально-экономические проблемы, причем в привычных терминах мейнстрима. Отчасти подобное желание можно рассматривать как следствие указанной причины. Таковы, на наш взгляд, субъективные основания недостаточного признания эволюционно-экономической теории.

Объективные же причины носят научно-поисковый характер. Они неизбежно возникают при становлении любого научного направления. «На ранней стадии развития новое научное течение часто ищет свое место в ряду признанных направлений науки, стремясь утвердиться как часть господствующей парадигмы... Возможен (хотя реже встречается) и иной путь самоутверждения нового научного течения – путем отрицания господствующих постулатов и выдвижения принципиально нового видения изучаемого объекта. По набору постулатов и исходных положений эволюционная теория может быть отнесена ко второму из вышеперечисленных типов молодых наук, т.е. к тем, которые отрицают связь с устоявшейся научной парадигмой» (Нестеренко, 2000).

Пока для эволюционной экономики характерны определенная неустойчивость базовых идей, отсутствие четко выраженных исходных принципов и, как следствие, убедительных объяснений и прогнозов реальных экономических явлений. В частности, недостаточно работ и публикаций обобщающего характера.

Даже сторонники данного подхода отмечают, что «в попытках применения эво-

люционной теории в экономике наблюдается некий сумбур и хаос... Создание общей теории экономического эволюционизма может идти и по линии восхождения от анализа ее применимости в частных вопросах к синтезу, затем к более общей теории...» (Ибраева, Ятнов, 2000). В данной работе сформулированы и некоторые тенденции развития отечественной эволюционно-экономической теории, из которых мы выделим следующие:

- стремление к созданию общей теории панэволюционизма;
- увязывание эволюционного подхода с проблемами саморазвития и самоорганизации социально-экономических систем;
- отведение значительного места эволюции институциональных систем.

Последняя тенденция, на наш взгляд, проявляется как следствие того, что часто говорят и пишут не об эволюционном, а об институционально-эволюционном направлении, т.е. не разграничивается институционализм и эволюционизм. При этом считается, что вообще «подобное разделение весьма условно» (Нестеренко, 1997) и институционально-эволюционное направление включает и старых, и новых институционалистов, и «сторонников эволюционной экономики, сосредоточивших внимание в основном на процессах естественного отбора, наследственности, генотипа организации и мутаций, охватывающих экономические структуры» (Сухарев, 2000).

Но эволюционизм не выделяется и «на древе институционализма» (Олейник, 1999 и Нуреев, 1999). Видимо, это направление исследователи относят к «старому институционализму», или институционализму Т. Веблена. Действительно, когда-то Т. Веблен своими идеями и концепциями

положил начало и собственно институциональной, и эволюционно-экономической теориям. Однако последняя своими корнями уходит не только в старый институционализм, базировавшийся на изучении закономерностей коллективного поведения. Эволюционная экономика в какой-то степени основывается и на закономерностях индивидуального, точнее, «ограниченно-рационального» поведения. Этот подход весьма универсален и самостоятелен в рассмотрении явлений и процессов общественной жизни. Он имеет полное право быть выделенным на древе экономической мысли, как это сделано на схеме О. Ананьина (Ананьин, 2001).

Понимая, что отсутствие исходных аксиом ослабляет позиции научного направления, его последователи стараются обобщить системообразующие компоненты. Положения эволюционизма формулируются, как правило, в противопоставление мейнстриму, тем самым «подчеркивается разница допущений и методологических принципов этих течений» (Сухарев, 2000).

Сторонники эволюционной теории выделяют в качестве базовых такие принципы, как:

- бесконечное развертывание экономических процессов;
- единство познающего субъекта и внешней среды; изменчивость среды, постоянно взаимодействующей с изучаемым процессом (или индивидом);
- качественное изменение самого субъекта в ходе развертывания экономического процесса;
- накопление изменений и обретение новых свойств экономической системой или иной совокупностью по мере ее исторического развития.

Опора на них позволяет обрисовать круг изучаемых объектов: «это и неавтономные индивиды, поведение которых обусловлено культурно-исторической средой, и связи между экономическими субъектами как некие устойчивые единицы анализа, и культурно-исторические, юридические или технологические совокупности (институты)» (Нестеренко, 2000).

Но в каждой теории есть какой-то основной элементарный объект. В эволюционной экономике им является *популяция*, может быть, даже популяция популяций, что приводит к появлению иерархической структуры (Макаров, 1997). И все теоретические и практические построения эволюционизма должны базироваться на изучении поведения популяции как внутри себя самой, так и во взаимодействии с внешним миром.

В перспективе в структуре эволюционно-экономического направления предлагается выделять три блока (Амосов, 2000). Первый – теории эволюции экономических институтов и социально-экономических систем (включая теории эволюции индустриального общества и мирового экономического порядка). По аналогии с биологической наукой в данный блок входит описание, с одной стороны, жизненных циклов социально-экономических систем и институтов, а с другой – экономических механизмов, выполняющих генетические функции, т.е. содержащих субстрат наследственности. Второй блок включает теории эволюции и функционирования систем, традиционно рассматриваемых экономической наукой (ценообразования, денежного обращения и т.п.), в том числе макро- и микроэкономические теории.

Большое влияние на эволюционное направление экономической науки оказали и

оказывают идеи и принципы теории систем, кибернетики, а также различных философско-методологических концепций XIX–XX вв. Подобная изначальная междисциплинарность данного направления привлекает к нему внимание исследователей, поскольку предоставляет массу возможностей по-иному взглянуть на общепринятые объекты и предметы своих научных интересов.

В настоящее время за рубежом эволюционная экономика представлена исследованиями по жизненным циклам предприятий, организаций, нововведений; построением эволюционных моделей общественных процессов. В России названным темам уделяется немалое внимание, кроме того, проводятся и оригинальные разработки. К последним, безусловно, относится модель эволюции макроэкономики В.И. Маевского.

Сейчас уже пишут о «новой эволюционной экономике» и называют ее «синергетической экономикой» (Занг, 1999). Данную работу выделим особо: в ней подчеркивается, «что всякая экономическая деятельность соотносится с определенным временем и местом, а потому важным аспектом эволюционных систем является учет пространственных зависимостей», и целая глава посвящена градоформированию. Это высказывание, по нашему мнению, очень значимо, поскольку указывает на существование еще одной сферы социально-экономических исследований – пространственной. Она, безусловно, заслуживает внимания эволюционистов. Ее общепризнанное название – *региональная экономика*. Далее в статье мы попытаемся обозначить некоторые начальные моменты, определяющие возможность примене-

ния эволюционного подхода в региональных исследованиях.

Регион в поле зрения эволюционистов

Вопросы регионов в экономической теории стали обсуждаться не так давно. Сегодня наибольшее распространение получили четыре подхода к региону: квазигосударство, квазикорпорация, рынок, социум (Гранберг, 2000). Последний подход шире первых (в большей степени экономических), поскольку затрагивает и другие (нехозяйственные) аспекты региональной жизни, но и он недостаточно емок.

Действительно, специфика региона гораздо сложнее. Позволим себе перефразировать известные слова С.Ю. Витте о нации и написать о регионе так: наряду с отдельным предприятием и государством «существует еще особая экономическая единица» – регион. «Эта единица представляет собой нечто органически целое», связанное отдельностью территории; часто верой, языком, правами и обычаями; всегда властно-управленческими началами и учреждениями, «инстинктом самосохранения, стремлением к независимости и прогрессу и проч.».

В качестве региона у нас фигурируют и город, и субъект Федерации, и объединение нескольких таких субъектов. И какой бы из названных объектов ни рассматривался, изучение проблем и особенностей функционирования этой социально-экономической системы, разработка механизма управления и регулирования ее развитием очень сложны. Это связано с тем, что данная система любого иерархического уровня двойственна в своем положении: она

одна из многих и в то же время единственная в своем роде.

Для обозначения комплекса знаний о регионах используется такой термин, как «регионалистика», под которым обычно понимают синтез подходов различных наук к региональным исследованиям (Гранберг, 2000). В этой области довольно давно, активно и небезуспешно применяется системный подход. И все же почему развитие региона – процесс интересный именно с точки зрения эволюционной теории?

Во-первых, это класс открытых, сложных, динамических систем. *Во-вторых*, каждая такая система существует в строго определенном пространстве, лимитирована в ресурсах и маневренности в силу воздействия природы, власти, ситуации. Как целостность, регион формируется из социально-демографической, политической, финансово-экономической, природно-экологической, производственно-технологической подсистем. Они обладают различными периодами воспроизводства. Согласно кибернетическому закону У.Р. Эшби, если одна подсистема в системе функционирует, не согласуясь с другими, то устойчивость последней нарушается. Поэтому задача согласования их развития чрезвычайно важна, причем ее решение нередко требует нетрадиционных взглядов. Эволюционный подход позволяет рассматривать системы не как отдельные элементы, жестко соединенные между собой, «а как организмы, составные части которых не только функционально дополняют друг друга и тем самым взаимно обуславливают уровень развития друг друга, но и эволюционно развивают друг друга, пребывая в процессе непрерывного взаимосовершенствования» (Нижегородцев, 2000).

Кроме того, регион – место сосредоточения различного рода интересов. Уже по своей природе данная система конфликтна. Это является еще одним доводом в пользу признания эволюционного подхода в качестве методологической базы для изучения территориальных проблем, поскольку именно для него характерно стремление изучать объект как средоточие разнообразных связей, отношений и влияний.

Важнейшими вопросами, которые стоят перед исследователем независимо от выбранного им объекта, являются следующие: каковы механизмы наследования и изменчивости? каковы механизмы и критерии отбора (Нестеренко, 1997)?

Эволюционная экономика основывается на моделировании реальных механизмов принятия решений, рутинных процедур, которые определяют поведение субъектов, принимающих решения, и обратных связей, задающих экономическую динамику (Глазьев, 2000). Понятие «рутина» в экономике созвучно понятию «ген» в биологии. Рутинны наследуются, определяют возможное поведение субъекта, но они подвержены и отбору в том смысле, что организмы с определенными рутинными могут функционировать лучше других, а значит, их способность к выживанию возрастает (Нельсон и Уинтер, 2000).

В региональной социально-экономической системе, безусловно, есть свои «рутины», отчасти данные от природы, но в большей степени возникшие вследствие жизнедеятельности человека на более ранних этапах развития. Однако в данной системе присутствует и способность к изменениям, поскольку для нее характерно стремление увеличить свой потенциал и поиски путей этого. Причем с точки зре-

ния эволюционной теории действия региональной системы практически никогда не являются оптимальными (по четко определенному и заданному экзогенно множеству вариантов выбора). Иными словами, она обладает определенным потенциалом. В последний включаются и правила принятия решений, которые с течением времени изменяются как в силу других решений, так и по причине случайных событий. Все это тесным образом связано со способностью к адаптации, поскольку здесь действует аналог естественного отбора – экономический отбор, в котором роль ключевых механизмов играют кризисные состояния.

Специалистами начаты исследования в области «эволюционной региональной экономики». Одно из направлений как раз изучает проблему кризисов с точки зрения экономической эволюции (Дорошенко, 2001). Другое направление затрагивает вопросы определения необходимого соотношения поисковой и консервативной частей в различные периоды существования региональной системы. Отправным моментом в данном случае является положение о том, что в механизме эволюции отдельным элементам любой системы отведены различные роли: за способность наследовать отвечает так называемая пассивная часть, за способность к изменениям – активная. В качестве инерционных составляющих региональной системы рассматриваются производственная, природно-ресурсная структуры, производственно-хозяйственная инфраструктура и структура расселения. К «активной» части отнесены те элементы, которые способны качественно изменить тенденции развития (они, как правило, наиболее подвержены факторам

естественного отбора), – инновационные институты (Нестеренко и др., 2000). В работах еще одного направления делается акцент на совместный взаимодействующий этап развития социально-экономических систем (Ибраева, Ятнов, 2000).

Кроме того, эволюционный подход предлагается использовать и в прогнозировании регионального развития (см., например, работы А.В. Евсеенко). Таким образом, он все глубже проникает в региональные исследования.

Выше упоминалось, что в эволюционной экономике основным элементарным объектом исследований является популяция, но возможна и популяция популяций. С нашей точки зрения, региональную социально-экономическую систему вполне можно обозначить и как популяцию, и как популяцию популяций. Последнее будет

правомерно, если наполняющие систему элементы представить как различные популяции (популяция предприятий, популяция кредитно-финансовых учреждений и т.п.). В этом случае, безусловно, усложняется сам объект исследования, поскольку возникает необходимость рассмотрения дополнительной иерархии. Однако, возможно, именно такой подход позволяет полнее и глубже рассматривать явления и процессы в системе. Таким образом, возникает своего рода еще одно определение региона – как популяции. Даже если эта парадигма, с точки зрения регионоведов, достаточно специфична и имеет право быть лишь в рамках одного научного подхода, он способен сформировать самостоятельное научное направление, которое, возможно, когда-нибудь будет называться эволюционной региономикой.

Литература

Абалкин Л.И. Эволюционная экономика в системе переосмысления базовых основ обществоведения // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М.: Наука, 2000. С. 7–14.

Амосов А.И. О формировании теории эволюционной экономики // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М.: Наука, 2000. С. 77–86.

Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию? // Вопросы экономики. 2001. №2. С. 48–63.

Глазьев С.Ю. Экономическая политика в контексте эволюционного подхода // Экономическая наука современной России. 2000. №5. С. 23–26.

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 495.

Дорошенко С.В. Кризис как момент развития региональной социально-экономической системы. Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 36.

Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: Пер. с англ. М.: Мир, 1999. С. 335.

Ибраева О.А., Ятнов В.А. Ассоциации территорий как этап эволюции социально-экономических систем. Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 2000. С. 32.

Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения / Ред. кол.: Л.И. Абалкин и др.; сост. В.М. Бондаренко, В.В. Иванов, С.Л. Комлев и др. М.: Экономика, 1993. С. 543.

- Маевский В.* Эволюционная теория и макроэкономика // Вопросы экономики. 1997. №3. С. 27–41.
- Макаров В.Л.* О применении метода эволюционной экономики // Вопросы экономики. 1997. №3. С. 18–26.
- Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000. С. 474.
- Нестеренко А.Н.* Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. 1997. №3. С. 42–57.
- Нестеренко А.Н.* Возможен ли синтез эволюционной экономики и «мэйнстрима» // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М.: Наука, 2000. С. 55–61.
- Нестеренко О., Дорошенко С., Ибраева О., Ятнов В.* Территориальные социально-экономические системы: стратегия выживания // Труды института экономики УрО РАН. Екатеринбург, 2000. Рукопись депон. в ИНИОН РАН № 55871 от 17.08.00.
- Нижегородцев Р.М.* Эволюционный подход и перспективы развития информационной экономики // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М.: Наука, 2000. С. 112–119.
- Нуреев Р.* Институционализм: прошлое, настоящее, будущее (вместо предисловия к учебнику «Институциональная экономика») // Вопросы экономики. 1999. №1. С. 125–131.
- Олейник А.* Институциональные рамки неоклассики // Вопросы экономики. 1999. №1. С. 132–147.
- Ольсевич Ю.* О специфике национальной школы экономической мысли в России // Вопросы экономики. 2001. №2. С. 27–42.
- Сухарев О.С.* Институционально-экономическая теория в объяснении некоторых классических проблем экономической политики // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М.: Наука, 2000. С. 97–111.